

Авдеевская география

Памяти героя СВО Ильи Валерьевича Носкова

Авдеевка осталась за спиной, и чтобы на нее посмотреть, бойцам впервые нужно было оглянуться назад.

Еще вчера с этих улиц по мирным кварталам Донецка лупили штатовские гаубицы М-777. «Три топора» — с остроумным презрением окрестили их наши бойцы, как когда-то алкаши называли дешевый портвейн. Всё, что от них осталось, валяется вокруг бесформенными грудками металлолома, но одна стоит целёхонькая, брошенная расчётом, словно надоевшая любовница — жалкая и понурая, подтёкшая копотью, будто ресничной тушью.

Пятиэтажки-«брежневки» мёртво глядят черными, как квадраты Малевича, проёмами окон. Осколки разбитых стёкол, точно застывшие слёзы, звонко сыплотся сверху на вспученный взрывами асфальт. На балконах, издали похожих на незадвинутые ящики комодов, чёрным дымом тлеет забытый бежавшими жильцами скарб.

Чем ближе к коксохимовской «промке», где окопались основные силы неонацистов, тем чаще и кучнее были прилёты, а самый крайний к заводу дом треснул надвое от попадания нашей ракеты, как переспелый кавун под ножом. Неразорвавшиеся снаряды и мины, брошенные рюкзаки, каски, пустые магазинные коробки, банки и обертки с аляпистыми иностранными этикетками густо усеяли слякотную землю, словно вытаявшие весной из-под снега собачьи какашки.

На Коксохиме мало что уцелело. С едучим чадом догорали склады и гаражи. Стены и крыши цехов постепенно обвалились, схоронив под собой трупы сотен неонацистов и их наймитов. Лишь опорные столбы упрямо торчали причудливыми идолами, своим апокалиптическим видом напоминая североуральский Маньпупунёр. Да высоченные трубы тупо установились разъявленными жерлами в серое небо, будто зенитки, потерявшие цель.

Удивительно, но устояла и одна из железобетонных стен электроподстанции, превращенной неонацистами в дот. За этой стеной, с восточной ее стороны, и укрылись бойцы передовых штурмовых групп — от промозглого ветра, снега с дождем и пуль с осколками. Так уж природой заведено, что всякая дрянь чаще всего летит именно с запада, из «гнилого угла».

Кое-где еще были слышны выстрелы, и бойцы с усталой ленцой наблюдали, как последние «нацики», боясь оказаться в колее, спешно, налегке покидают свои укрытия. Гнаться за убегающим супостатом у них не было ни сил, ни боеприпасов. Они выполнили свою задачу, поэтому просто вповалку попадали за стеной, точь-в-точь как на снимке фронтового фотокорреспондента в освобожденном Сталинграде — «Бойцы отдыхают».

Они трое суток боролись со сном, врагом более сильным, чем лютые «азовцы». Но теперь, когда стало можно, сон снова стал другом — обнял за плечи, смежил воспаленные веки и включил программу приятных видений. Мокрядь и холод, жесткая лежанка с мнущим ребра кирпичным крошевом вместо матраса, неудобные позы, звуки разрывов и вой добивающей остатних неонацистов авиации — все это солдатскому сну не помеха.

Храпящее, свистящее, всхлипывающее, теснящееся друг к дружке, точно новорожденные котята в коробке, ворочающееся во сне усталое воинство...

Посередине, раскинув ноги, лежал на спине здоровенный сибиряк. Шлем сполз с его крупной, шишкастой головы, и чудно было — как он вообще налез на такую

башку! На его «бронике» зияли глубокие, словно следы медвежьих когтей, царапины. Этакому детине и верно бы на Топтыгина с рогатиной ходить, и горе тому, кто попадется ему на пути — косолапый или «азовец».

Спящий верзила извергал из своего нутра чудовищный храп, который напоминал дикий рёв взбирающегося в крутую гору танка. Поэтому солдаты, словно бы в бою, инстинктивно старались отползти от рычащего сибиряка, затыкали уши руками. «Ермак, глуши мотор! Стена же рухнет! Чёрного вон контузило уже от твоего храпака!», — лениво поругивались они.

А Чёрному, казалось, было все нипочем. Он уткнулся сопящим носом в плечо Ермаку, подобрав к животу изодранные колени. Обнял сам себя, запрятав в подмышку обмотанные бинтами зябкие пальцы в рваных тактических перчатках.

Чёрный спал, но продолжал воевать в сторожком забытье. Ему блазило, что прямо на него, лязгая гусеницами, злобным монстром ползёт пятнистый «абрашка» с натовским крестом на башне, ищет Чёрного пушечным дулом; оно плавно, змеисто извивается, как осьминожье щупальце, нагло лезет в окоп. А из открытого люка высовывается — надо ж такому присниться — Гитлер, почему-то одетый в хохляцкую вышиванку. Гитлер истерично хохочет и орёт по-русски: «Глуши мото-ор, Чёрный!»

Чёрный судорожно давит на спусковой крючок автомата, но тот не поддается, словно прижавев.

— А-а, гадина, это я тебя сейчас на глушняк! Мра-а-азы! — иступленно кричит боец, бросаясь навстречу танку, но лишь неуклюже скользит, суча ногами по глинистой стенке траншеи, безуспешно пытается зацепиться за бруствер непослушными пальцами.

На самом деле Чёрный намертво впился в воротник Ермаку и судорожно пинал его грязными ботинками прямо по животу. Ермак беззлобно заехал ему локтем под ребра:

— Кончай буяннить, головорез! Закошмарил совсем...

Он огромной лапищей прижал к себе Чёрного, и тот с тоненьким кряхтением облегченно выдохнул, словно щечок, которого, играя, от избытка чувств крепко тиснул ребенок, почмокал губами и затих под властью другого — уже доброго сна.

Густой малинник в бабушкином огороде на Угоре. Гонимый ласковым ветерком дым топящейся бани щекошет ноздри. Батя — плечистый и такой же смуглый, чернявый. Кажется, что уличное прозвище и боевой позывной «Чёрный» по наследству в их семье передаются. Играя литыми мускулами, пытается расправиться с неуступчивым витым поленом, но топор лишь вязнет в сыром дереве. «Илюха, помогай!», — зовёт.

Мама... До того ослепительно красивая, что хочется зажмуриться. В глубокой задумчивости она водит пальцем по закопченному стеклу банного оконца. Водит и водит... «Мамочка, ну перестань, пожалуйста!»...

Чёрный проснулся от противного скрежета. Ермак зазубренным осколком шкрябал по стене, и бетонное крошево сыпалось ему за шиворот.

— Прекращай уже скрипеть, братан! Чего ты там рисуешь? — спросонья пробормотал Чёрный.

— И правда, Ермак, дай покомарить! То хранишь бегемотом, то скребешься, как мышь! Нашел время рисовать, Петров-Водкин! — заворчали бойцы.

Носков Илья, позывной — Чёрный

Но Ермак не слушал — продолжал усердно чертить. Получалось не слишком изящно, прямо сказать, корявенько, но по-сибирски основательно — «Омск».

— На кой лешак затеси расставляешь? Чтоб не заблудиться? Ведь далеконок до твоего Омска, однако! Ты еще адрес пропиши, Ерёмич! Здесь были Ося и Киса! Без ошибок черкай, а то двойку поставят! Лошадь изобрази или девку голую! — зубоскалили проснувшиеся солдаты, с веселым интересом глядя на Ермаковы старания.

— Да кто так рисует? Давай лучше я! — Чёрный попытался отнять у Ермака осколок.

— Отлезь! Придет и твоя очередь... Мой дедуля в сорок пятом Берлин брал, — по-сибирски окая, начал обстоятельно объяснять Ермак. — Батя рассказывал, что они с корешами, кто жив остался, на ихнем рейхстаге расписались. Кто штыком, кто камнем, кто осколком, как я сейчас. В честь Победы. И фотографии показывал — на стенах чистого места не было! Мы с сеструхой по этим фоткам географию изучали. Там, похоже, все наши веси обозначены были, от Минска до Владивостока, иных и на карте не сыщешь. Мы, мелкие, даже в «Города» играли!

Вот, допустим, мой Омск — дед рядышком стоит, улыбается, не спутаешь. Сеструха ищет на «К». Калуга — прямо на колонне, у второго плиточного ряда. Есть еще и Красноярск, но второй раз на одну букву не интересно гадать. На «А» я уже знаю где — у водостока, где большущий кусок стены отбит, третья снизу надпись — «Астрахань», и фамилия рядом — Голиков. Сестра злится, не любит на «Н» искать, смухлевать пытается — мало, говорит, городов на «Н». На «мягкий знак», отвечаю, их вообще нету! А сам подсказываю: «Но-во...»

«...сибирск!», — аж подпрыгивает, так радуется. Новосибирск на внешнюю стену, наверное, просто не вошел. Эта надпись уже внутри, на лестничном проеме, там еще убитый фашист валялся. Нерасторопный, однако, сибирячок попался — хе-хе, оттерли его москвичи или еще какая наглота...

«Киев!» — продолжаю. Жирно так намазано, крупными буквами — сразу в шары бросается...

— Э, стоп-стоп! Какой еще на фиг Киев? — удивленно вскинулся молодой боец с раскровяненными губами. — Не гони, Ермак! Хохлы же с немцами были, как и сейчас! Бандеровцы — я в кино видел...

— Сразу видать, что на уроках истории ты в носу ковырял, — пожал могучими плечами Ермак. — Союз же был Советский. И Киев, и Одесса, и даже Львов нашенские были! Хохляцких городов и фамилий чуть не вровень с русскими на рейхстаге было нацарапано.

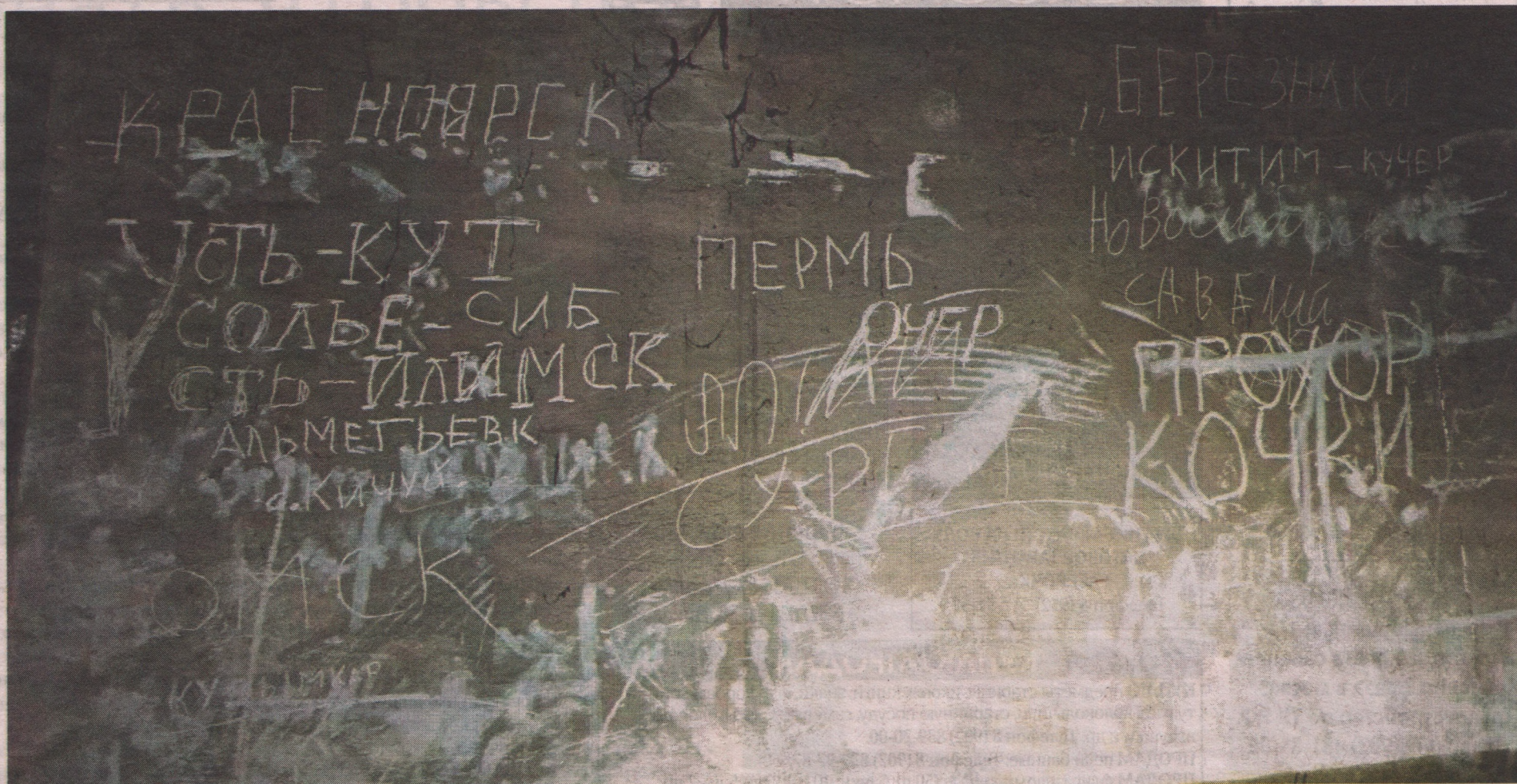
— Да ну?

— Баранки гну! А донбасских — так вообще море! И Авдеевка была, и Макеевка с Горловкой. А фамилии-и-ий — каких только, оказывается, ни водилось на Руси. Татарских, грузинских, узбекских, кавказских, армянских и вообще каких-то тарабарских — не разберешь. Как сейчас помню: Паливода, Соболь, Фортель, Расулов, Нерсисян, Ванькович, Сахобутдинов... Мы еще их путали, думали, что это тоже города.

— Хотя по сути-то верно — тоже ведь, если посмотреть, география! — задумался Чёрный.

— Во! А нам, ребята, надо свою географию придумать! — предложил Ермак. — Держи, Чёрный, — протянул он ему осколок. — Пиши свой Ачёрт!

— Очёр, чёрт поberi! Сколько раз повторять, чалдон сибирский? О-чёр!

— А я что говорю?

Чёрный решительно подошел к стене и прямо по середине её уверенно начертал название своего родного уральского городка.

— Не рейхстаг, конечно, но для нас места в аккурат хватит. Подходите, пацаны, ставьте автографы, — предложил Черный. — А местные детишки потом, может статься, по ним будут новую географию изучать. Авдеевскую! И в «Города» поиграют, а не в войнушку...

— Очёр! А где это? — спросил кто-то.

— Прикамье! Всего сто верст от меня, земля! — откликнулся невысокий коренастый гранатометчик. — Бывал я в твоих палестинах, Чёрный! Пруд у вас там баский и звероящер в музее прикольно рычит. Моим углам уж больно понравилось...

Он взял у Чёрного осколок и начертил чуть поверх Очера: «Пермь».

— Ну вот, как всегда — Сибирь да Урал! — принял эстафету рыжий веснушчатый боец. И на стене появилось новое незнакомое название — село Кичуй.

Солдаты по очередке подходили и кто чем — осколками, кусками бетона, острыми пуль, да кто как — печатными и письменными, прописными и маленькими буквами, где ровно, где — вкривь и вкось, рисовали: Усть-Илимск, Екатеринбург, Томск, Альметьевск, Кудымкар...

Юркий, чуть косолапый и слегка косолазый солдатик с замызганной георгиевской лентой на камуфляже — ее он снял перед отправкой на фронт с антенны своей старенькой «Калины», на которой так совал в родном Екатеринбурге — раздобыл острый, ухватистый штырёк и проворно накарбал: «ЕКБ. Исток».

— Больно длинно Екатеринбург писать — еще буквы напутаешь! — объяснил он, довольный своей работой. — И так каждый сократит норовит — то Екат, то вообще на «Е», как у моего земляка-писателя, который земной шарик пропил...

— Глобус он пропил! Нацарапай-ка, братуха, за меня — Березники. Бе-рез-ни-ки! Не укорачивай только и без всяких «Е»! — попросил его раненный в ногу боец. — А то, видишь какое дело, мне никак не подняться.

— Да легко! — ответил тот. — Сиди, не костопыжься!

Через минуту раненый обернулся и обалдел:

— Э-э, ты чё, двоечник? Какие к чертям Березники? Березники — через «И»! Я ж тебе по слогам русским языком сказал! Исправляй давай!

— А нам, татарам, лишь бы по фиг, мы не будем зареветь! Я не в школе, ты — не училка! Не парься — и так сойдет для твоей деревни...

— Чё сказал? Сам ты деревня ёбуржанская! — раненый, сжав кулаки, попытался подняться, но Чёрный с Ермаком не дали разгореться давнему и глупому конфликту географических соседей. Разняли — не та обстановка, чтобы ссориться. К тому же, еще какой-то час назад екатеринбуржец, рискуя жизнью, на себе вытаскивал березниковца из под шквального огня.

— Ладно, не дуйся, земля — мир, дружба, шашлыки! — с лёгкостью пошел он на мировую, протягивая извозюканную в земле руку. — Лови пятоню, уши солёные!

— Ельцин-центризм хренов! — не остался в долгу березниковец, но руку пожал.

Бойцы балагурили, подначивали друг друга, исподтишка подталкивали пишущих под руки, хохотали, отпуская солёные шуточки, и уже не прислушивались к звукам уходящего на запад боя.

— Эх, народ, шас бы сюда баллончик или краскопульт! Мы перед армией здание администрации такими жесткими граффити изукрасили, что я сутки в ментовском «обезьяннике» пропотел. Чуть за «хулиганку» не загремел...

— Ну и дурак! Представляю, что ты мог там такое нарисовать, половой экстремист!

— Пацаны, обзывать-то будем? А то Сургут большой, а я — маленький. Кто поверит, что именно я тут был?

— А ты чё Киркоров ли чё ли? Славы захотел? Тогда ты не в ту дверь вошел, братан!

— Фамилии пока не рисуем, воины! Все равно командир стереть заставит. Позывные, кто желает, оставляйте, а полностью — до Киева потерпим. Береженого Бог бережет...

— Ага, на Софийском соборе распишемся! Или что там у них еще есть?

— На заднице у себя распишись, нехристы! Это же храм божий!

— На резиденции Зеленского тогда!

— Нет уж, там только слова из трех букв, что на заборах пишут, станем малевать! И нарисуем еще для пущей наглядности!

— Запустим и Шольцу отправим! Как наминалку про рейхстаг!

— Пусть тоже нашу географию учит! Пора уже!

Стена и верно напоминала географическую карту. Если и не всей России, то, во всяком случае, одной из лучших ее частей.

Причудливая завихрень линий, пятен, полос, дырок, царапин, щербин,

отломшей — это вроде как реки и озёра, горы и леса, равнины и города. Пулевые пробоины, осколочные черты было удобно использовать как знаки препинания или фрагменты букв. Ометина от пули калибра 5.45 заменила перекладинку буквы «Н» в слове «Красноярск». Вертикальная линия буквы «К» в названии маленького сибирского селца Кочки получилась из осколочной отбойны. Никому не понадобилось лишь «многоточие», оставшееся от пулеметной очереди...

Города братались на стене, как сроднились кровью их геройские жители здесь, в боях за Авдеевку. След от минного осколка стал частью «Й» в слове «Алтай» и одновременно заменил точки над буквой «Ё» в дорогой сердцу Чёрного надписи «Очёр». Экономя место, земляки-сибиряки сделали общей букву «У» для своих родных Усть-Кута, Усолья и Усть-Илимска. Притеснились друг к другу, будто в одном окопе, Новосибирск и Искитим, Омск и Кудымкар. Чёрный оглядел стену и удивленно присвистнул:

— Глянь, пацаны, а воюет-то опять одна голимая провинция! Где столицы-то наши, где Москва, Питер?

— Ха, ты бы еще за Рублёвку вспомнил, Чёрный! — усмехнулся один из бойцов. — Недавно видел на ютубе одну мразоту. Сидит, падла, на Бали, видосы выкладывает: зырьте, мол, лошары, как тут красиво и воюйте спокойно за мои капиталы! Хуже «нациков» такие уроды. Сюда бы его...

— На кой перец он тут тебе сдался? Толку от таких гендерных недоразумений!

— Да хоть ради справедливости...

— Вот закончим это всё, тогда и станем ее искать! Спросим с кой-кого, не переживай!

— Хм, если доживем...

Парни с городских рабочих окраин, где хирели досуха высосанные московскими рейдерами заводы, и из дальних сёл, брошенных на произвол судьбы, где царит безнадега — хоть волком вой — они винули во всем москвичей. Пусть зачастую облыжно, но все же, если вдуматься, имели право. Им было мерзко и обидно, что пока они здесь бьются не на жизнь, а на смерть, в далёкой непуганой войной Москве беснуется так называемая элита, купается в роскоши, таскается по «голым вечеринкам», вкусно жрёт и пьёт по кабакам, нежится на забугорных пляжах, ржёт над глупыми телешутками и над ними — этакими ватниками-простодырами, что мерзнут в окопах, кричат от боли на госпитальных койках и лежат

в земле сырой. И, главное, не стесняется все это афишировать, из каждого утюга транслируя омерзительный шабаш...

— Постой, братва, а ведь был у нас Моисей! — вдруг вспомнил Ермак. — Убили неделю назад...

— Значит, не все там иноагенты, — вздохнул Чёрный. — Раз такое дело, давайте-ка и за него черкнём.

— Тогда и за Дикого, что на mine подорвался! — предложил сибиряк, и его поддержали — ведь у каждого стоявшего перед стеной солдата был хотя бы один товарищ, который не вернулся из боя.

— И за Даню Вшивкова! Я с ним на одной улице жил...

— За Савика и Кучера распишитесь, мужики!

— А что писать? Из Новосибирска они. Есть уже тут Новосибирск...

— Да здесь, по ходу, каждый город «двухсотых» оплакивал. И не по разу. Так что не будем повторяться...

— Прохора не забудьте — он в лазарете в Воронеже. Тяжелый — вряд ли теперь вернется...

— За Жентоса тоже надо! Он уже оклемался, сюда едет — не поспел маленько на нашу автограф-сессию...

К стене тихой сапой, как ему и положено, подобрался оператор беспилотника.

— Вы чего тут толпитесь? Все уже давно вперед ушли — Авдеевка наша! — С «дроном» на руке он был похож на царского сокольника. — О, да у вас тут целый рейхстаг, только знамени Победы не хватает! Можно и мне черкнуться? Сейчас «птичку» запущу, чтоб нашим вашу стену показать. Пусть все придут и распишутся — расширят географию!

— Валий! — заулыбались бойцы и двинулись на запад.

Авдеевка осталась за спиной... Чёрный на минуту задержался у стены, чтобы запомнить названия городов, где мирно жили эти лучшие на свете парни — работали, растили детей, ходили по грибы и на рыбалку, играли в футбол, любили жён, попили пивко в гаражах, копались на огородах. И знать, наверное, не знали, где находится эта самая Авдеевка и существует ли она вообще. Но когда пришел их черед, они не задумываясь, пошли умирать за нее, как за свои Кудымкары, Усолья, Томски, Сургуты и Очёры.

Максим ШАРДАКОВ

Фото Ильи Носкова из архива семьи Носковых, фото стены Захар ПРИЛЕПИН